

О НОРМЕ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

© В.А. Аверин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации, Санкт-Петербург

Для цитирования: Аверин В.А. О норме психического развития человека // Педиатр. – 2020. – Т. 11. – № 5. – С. 81–90. <https://doi.org/10.17816/PED11581-90>

Поступила: 07.09.2020

Одобрена: 12.10.2020

Принята к печати: 23.10.2020

Анализируются различные подходы и модели понятия «норма психического здоровья»: медицинские (биологические), психологические, социально нормативные, основанные на принципах механистического детерминизма. А.Б. Холмогорова предлагает биопсихосоциальные модели, в основу которых положен системный подход. Б.С. Братусь, критически оценивая названные модели и подходы к определению понятия «норма психического здоровья», в качестве альтернативного подхода выделяет философскую концепцию человека, позволяющую понять сущность человека и ход его развития. Таким образом, проблему поиска критериев «нормы психического здоровья» можно переформулировать в проблему поиска критериев «нормы психического развития человека», поскольку в центре рассмотрения оказывается Человек как результат культурного развития во всем его многообразии: как индивид, личность, субъект деятельности, интеграция множества свойств которых выражается в индивидуальности. Развитие человека в рамках культуры приводит к формированию культурного сознания, основными показателями которого являются свобода, самостоятельность, творчество, самодостаточность и совестливость. Предпринята попытка формулирования психологических инструментов достижения целей психического развития человека. На уровне индивида-личности эта роль принадлежит *направленности личности*, которая определяет ее направленность на достижение целей деятельности, на уровне субъекта деятельности – *индивидуальному стилю деятельности*. Взаимодействие этих ведущих факторов развития человека обеспечивает внутреннее единство всех уровней организации человека и результируется в понятии «цельность человека», которое полно выражает психологическое содержание индивидуальности – носителя культурного сознания.

Ключевые слова: норма психического развития; психическое здоровье; культурное сознание; свобода; самостоятельность; творчество; самодостаточность; совестливость; системный подход; системообразующие факторы; индивидуальность; направленность личности; индивидуальный стиль деятельности; цельность человека.

ON THE NORM IN HUMAN MENTAL DEVELOPMENT

© V.A. Averin

St. Petersburg State Pediatric Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia

For citation: Averin VA. On the norm in human mental development. *Pediatrician (St. Petersburg)*. 2020;11(5):81-90. <https://doi.org/10.17816/PED11581-90>

Received: 07.09.2020

Revised: 12.10.2020

Accepted: 23.10.2020

Various approaches and models of the concept of “mental health norm” are analysed: medical (biological), psychological, social normative, based on the principles of mechanistic determinism. As opposed to them, A.B. Cholmogorova advocates biopsychosocial models, which are based on a systemic approach. B.S. Bratus’ singles out the “statistical adaptation approach” and the “adoption of negative criteria of the norm” opposing it, as well as the “cultural relativistic and existential” approaches and the “descriptive criteria of mental health” opposing them. Searching for optimal criteria for the norms of mental development the HUMAN BEING is found to be in the centre of consideration as a result of cultural development in all its diversity: as an individual, personality, subject of activity, the integration of the variety of properties of which is expressed in individuality. The development of a human being within culture leads to the formation of a cultural consciousness, the main criteria of which are freedom, independence, creativity, self sufficiency and conscience. They can be considered as

criteria for the normal course of a person's mental development. An attempt to formulate psychological tools to achieve aims of the mental development of a human being has been made. At the level of individual-personality this role belongs to the directedness of the personality, expressing the relation of an individual to the aims of the activity. At the level of the subject of activity to the individual style of activity. The interaction of these key factors of the development of a human being ensures the internal unity of all levels of the organization of a human being, resulting in the concept of the "integrity of human being", which fully expresses the psychological content of individuality the bearer of cultural consciousness.

Keywords: norm of psychological development; cultural consciousness; freedom; directedness of personality; individual style of activity; integrity of human being.

Проблема нормы психического здоровья — одна из центральных проблем как всей психологической науки в целом, так ее важнейших для практики отраслей — психологии личности, медицинской (клинической) и возрастной психологии [9, 10, 16, 18, 19, 22, 27, 32, 35, 37].

В историческом плане в психологии сложились самые различные модели и подходы к определению понятия нормы психического здоровья. Поскольку в истории науки первым шагом в понимании здоровья (соматического) был медицинский подход, то и психическое здоровье пытались объяснить в рамках так называемого уровневого подхода, в центре внимания которого находится не столько содержание категории психического здоровья, сколько степень его выраженности (большей частью соматического) — от нормы до патологии. Так, С.В. Запускалов и Б.С. Положий выделяют следующие уровни: уровень стабильного психического здоровья, уровень риска, уровень предболезни, донозологический, уровень болезни [16].

С.Б. Семичов говорит об идеальной (абсолютной) норме, типологической и конституциональной норме, которая выступает в виде акцентуаций характера или личности, уровне психической дезадаптации, представленной в виде: а) непатологической, б) патологической дезадаптации (предболезни), и в) вероятно болезненное состояние, а также уровень верифицированной болезни [32].

Б.С. Фролов, презентуя систему оценки прогнозирования психического здоровья, считает, что она позволит определить здоровых, практически здоровых с благоприятными прогностическими признаками, практически здоровых с неблагоприятными прогностическими признаками, людей с легкой патологией и людей с выраженной патологией [35].

В рамках медицинского или уровневого подхода «здоровье определяется через нездоровье, норма — через аномалию» [10]. Очевидно, что при этом ничего не говорится о содержании понятия психической нормы, но это позволяет отнести людей к разным уровням здоровья (скорее соматического, чем психического).

А.Б. Холмогорова, анализируя проблему психической нормы, рассматривает основные типы

моделей нормы в контексте развития научного знания. В первых научных моделях нормы и патологии доминировали элементаризм и механицизм, что в психологии проявилось в сочетании *элементаризма с редуccionизмом*, «то есть попыткой сведения психического к другим видам реальности — биологической и социологической» [19]. Этому этапу развития науки, по мнению автора, соответствовали и первые научные модели психической нормы — *биологические, психологические и социально-нормативные*, основанные на принципах механистического детерминизма [19]. В противовес названным моделям автор предлагает *биопсихосоциальные* модели, методологической основой которых стал системный подход [11, 21, 41, 42]. Ссылаясь на основоположника системного подхода Л. фон Бергаланфи, автор пишет: «Применительно к психологии этот подход означает рассмотрение человека в качестве активной личностной системы, которая не стремится к установлению гомеостаза со средой, как это утверждается в классическом бихевиоризме и психоанализе, а преобразует и изменяет эту среду» [19]. Резюмируя анализ упомянутых моделей психической нормы и патологии и их многочисленных частных вариантов, А. Холмогорова подчеркивает особую роль и значение биопсихосоциальных моделей. «Биопсихосоциальные модели — важный шаг на пути преодоления биологического, психологического и социологического редуccionизма в подходе к комплексной проблеме психического здоровья человека» [19].

Б.С. Братусь выделяет следующие основные подходы к пониманию нормы психического здоровья: «*статистически-адаптационный, культурно-релятивистский и экзистенциальный* подходы» [10]. Завершая критический анализ этих подходов, он заключает, что они «не дают убедительного ответа, отсылая нас либо к выраженной патологии (раз не болен, то здоров), либо к статистике (раз «как все», то нормален), либо к адаптивным свойствам (здоров, если хорошо приспособлен), либо к требованиям культуры (нормален, если выполняешь все ее предписания), либо к совершенным образцам (здоровье личности как атрибут выдающихся, творческих представителей человечества)» [10].

Отвечая на им же самим заданный вопрос о причинах высказывания проблемы психической нормы из пределов психологии, Б.С. Братусь полагает, что неудачи в поисках критериев нормального развития человека свидетельствуют «либо о слабости, зыбкости самой психологии..., ее объяснительных возможностей, либо о том, что данный предмет (его истоки, ключи, основания) действительно находятся вне поля психологии» [10]. По мнению автора, такой сферой, где следует искать «источки, ключи и основания для решения проблемы нормы психического развития является „философия, философская концепция человека“» [10]. Обосновывая значимость анализа проблемы нормы психического развития Б.С. Братусь заявляет: «Поскольку речь идет о человеке, то в представлениях о его „норме“ мы должны исходить из понимания сущности, которая и делает его собственно человеком...» [10]. Таким образом, в центре внимания оказывается Человек во всем своем многообразии: как индивид (психофизический организм), личность (психосоциальный человек), субъект деятельности, где осуществляется интеграция природных свойств индивида и психосоциальных свойств личности и индивидуальность как высший уровень интеграции индивидуальных, личностных, субъектных свойств [5, 6].

Переформулировка Б.С. Братусем проблемы норм психического здоровья человека в проблему норм психического развития человека, на наш взгляд, представляется весьма эвристичной, поскольку определение критериев нормального хода психического развития может привести к соответствующему результату — психическому здоровью человека. Тогда осознав возможные пути развития современного человека, поняв, что такое новый человек, в чем смысл его существования, можно сформулировать **перспективы развития человека**.

В вышедшей еще в 1923 г. книге «Культура и этика» Альберт Швейцер так охарактеризовал состояние современного ему человека: «Несвободный, обреченный на разобщенность, ограниченный, блуждая в дебрях бесчеловечности, уступая свое право на духовную самостоятельность и нравственное суждение организованному обществу, сталкиваясь на каждом шагу с препятствиями на пути внедрения истинных представлений о культуре — бредет современный человек унылой дорогой в унылое время» [40]. С психологической точки зрения это не только несвободный, ограниченный и разобщенный человек — это еще и несамостоятельный, негуманный, конформный и агрессивный человек. Столь же пессимистичный взгляд на современного ему человека мы

обнаруживаем у Аурелио Печчеи — основателя и первого президента Римского клуба, который считал, что «на данной стадии эволюции человек оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир» [30], и у С.С. Аверинцева, выдающегося российского мыслителя, полагающего, что «люди продолжают, увы, изменяться к худшему, причем быстрее и радикальнее» [4]. Впору говорить о **кризисе человека**, несмотря на его безусловные достижения в области развития человеческой цивилизации. Можно выделить, по меньшей мере, две группы причин, лежащих в основе этого кризиса.

Первая из них — это причины внутреннего порядка, лежащие внутри человека. Речь идет о так называемых нормативных и жизненных кризисах развития. Конечно, трудно утверждать, что именно они спровоцировали тот кризис человека, о котором речь шла выше. Но и полностью игнорировать хотя бы косвенное их влияние на этику человека не стоит. К внутренним противоречиям, определяющим сущность человека, его развитие и многообразие его сущностных качеств В.Д. Шадриков относит «отчужденность от природы и связь с ней, а также отчужденность от общества, группы, других людей и связь с ними» [39]. Другая группа причин находится вне человека, за его пределами. «Кризис человека, — утверждает А. Печчеи, — коренится не в самой человеческой природе, <...> это скорее кризис цивилизации или культуры, причина глубокого несоответствия между мышлением и поведением человека, с одной стороны, и изменившимся реальным миром — с другой» [30]. Выход из этого кризиса А. Печчеи видит в поиске и определении «новой этики для человека, которая бы и обеспечивала условия для выживания всего рода человека» [30]. Сходную точку зрения высказывает и А. Швейцер, для которого основной путь возрождения человека — это путь становления нового мировоззрения, а главным инструментом этого является культура. Эта идея основана на глубоком убеждении автора, что сама «культура зиждется на мировоззрении и может возродиться только в результате духовного пробуждения и этических устремлений людей» [40].

«Человеческая натура — это продукт культуры, — подчеркивает Э. Фромм, — а человек — это самое важное достижение тех непрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей» [36].

Ссылаясь на мысль В.С. Библера, что культура — это синоним свободы [8], Е.С. Ляхович и Т.В. Стецюк полагают, что главное назначение

культуры состоит в формировании индивидуальности у человека, которая немыслима без свободы, творчества, ответственности [25]. На необходимость «формирования нового исторического типа личности в рамках новых культурных форм» с целью разрешения кризиса человека указывает и Н.М. Пахомов [29]. Итак, человек может преодолеть свой собственный кризис только на пути формирования новой этики, нового этического мировоззрения, идя по пути культурного развития. Развиваясь в рамках культуры, приобретая черты культурного сознания, человек может стать свободным, самостоятельным, гуманным, индивидуальным. Но способна ли культура к этому?

Приступая к анализу нынешнего положения культуры, нетрудно убедиться в ее кризисном состоянии. «Наша культура переживает тяжелый кризис», — заявляет А. Швейцер [40]. И основная причина этого состоит в том, «что ее материальная сторона развивалась намного сильнее, чем духовная» [40]. Аналогичную точку зрения высказывает и А. Печчеи [30]. О кризисе культуры писал Хосе Ортега-и-Гассет. Анализируя черты нового (авангардного) искусства, заявившего о себе, философ констатирует: «Со всех сторон мы приходим к одному и тому же — к бегству от человека» [38].

Таким образом, отчуждение человека, забвение того, что принято называть собственно человеческим, приводит к разрушению культуры, а вслед за ней и самого человека. Именно поэтому проблема Человека встает во весь рост именно сейчас, когда «несвободный», «ограниченный», «блуждающий в дебрях бесчеловечности», вооруженный при этом с головы до ног человек способен уничтожить не только себя, но и все живое, что есть на Земле. Не случайно некоторые исследователи называют XXI век — веком Человека.

Итак, если культура выступает фактором развития человека, то правомерно говорить о необходимости именно культурного развития, как способе преодоления кризиса самого человека. Тогда актуальным становится выявление сущностных параметров (ценностей) культуры, которые и обуславливают формирование и развитие соответствующих человеческих качеств.

Как отмечают В.Е. Давидович и Ю.А. Жданов, выделение слова «культура» в качестве самостоятельного слова было произведено С. Пуффендорфом в 1684 г. [15]. В дальнейшем интенсивная разработка этого понятия осуществлялась представителями разных философских школ, в том числе Баденской (В. Виндельбанд [12], Г. Риккерт [31]) и школой культурной антропологии — А. Гелен, Г. Зиммель, О. Шпенглер, Э. Шпрангер [14].

П.С. Гуревич, детально проанализировавший феномен культуры в разные исторические эпохи в рамках различных философских учений, выделяет, по меньшей мере, три подхода к ее пониманию [14].

Первый из них — это *философско-антропологический* подход, когда культура понимается как **развернутая феноменология** человека. Культура, при этом, по словам А. Гелена, — «это человечность, то есть максимально полный, разносторонний и адекватный учет человеческой природы» [14]. Сегодня это направление находит свое выражение в так называемом принципе природосообразности.

Второй подход — *философско-исторический* — трактует акты культуры как **творческий процесс**. «Культура — это формирование и творчество», — отмечает П.С. Гуревич [14]. Поэтому человек культурный — это человек творящий.

В рамках третьего — *социологического* — подхода на первое место выступает **ценностная природа** культуры. «На наш взгляд, — пишет автор, — ценность выражает человеческое измерение культуры... Она как бы стягивает все духовное многообразие к разуму, чувствам и воле человека» [14].

Аналогичной точки зрения придерживается и В.И. Гинецинский, полагая, что такие понятия, как «сущностные силы человека», «творчество», «духовное богатство» выступают как варианты конкретизации понятия «культура» [13].

Таким образом, влияние культуры на человека проявляет себя в разных измерениях. В рамках первого из них *культурное развитие человека означает культивирование в нем человечности*, то есть способствует проявлению всех возможностей человека, его самовыражению, обеспечивая тем самым *максимально полное его развитие*.

Вместе с тем, *культурное развитие — это и развитие творческих сил человека*, поскольку любые продукты культуры — это результат творчества.

Наконец, *культурное развитие человека всегда предполагает поиск им смысла бытия, овладение ценностями, идеями, нормами и присвоение их, то есть суть формирование этического (нравственного) мировоззрения*. Поскольку перечень ценностей, осваиваемых человеком в ходе культурного развития, достаточно велик, важно выделить среди них наиболее существенные.

Учитывая зависимость ценностей культуры от конкретной исторической и культурной ситуации, Н.А. Лурья полагает, что каждая историческая эпоха формировала свою систему ценностей культурного развития человека, среди которых он выделяет *свободу* как высшую из всех [24]. По мнению В.Э. Соколова, «культура есть там, где есть суверенность разума и свобода мысли» [33], что в пси-

хологическом плане означает наличие у человека таких качеств, как свобода и самостоятельность. Таким образом, в качестве приоритетных выступают ценности *свободы* и *самостоятельности*.

Подведем некоторые итоги. Во-первых, цели культурного развития человека предполагают предоставление условий для максимально полного выражения потенциала (философско-антропологический подход). Именно возможность самовыражения позволяет человеку лучше всего увидеть и осознать свой потенциал, все свои лучшие стороны, равно как и недостатки. Психологически это означает осознание и понимание человеком самого себя, то есть содержание «Я-концепции» и самоотношения человека к самому себе. Иными словами, развитое самосознание личности лежит в основе **самодостаточности**, которое можно рассматривать как один из эффектов нормального хода психического развития человека.

Вместе с тем, культурное развитие человека — это развитие его творческих способностей (философско-исторический подход). Следовательно, способность к **творчеству** — следующий показатель культурного развития человека.

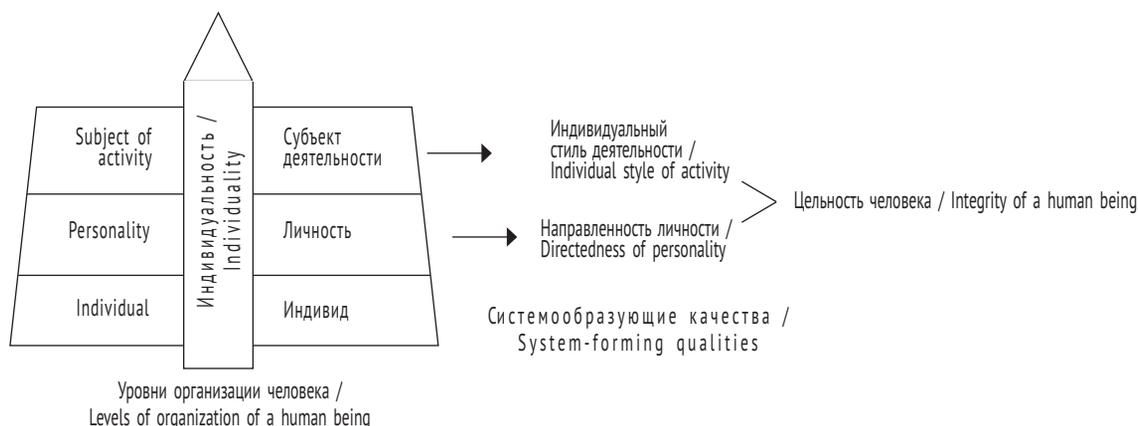
Среди актуальных ценностей культуры (социологический подход) на первом месте стоит возможность выбора. Культура — главный враг тоталитаризма, любой несвободы, в какую бы одежду она ни рядилась. Следовательно, культурный человек — это **свободный** человек. «Как духовное существо, человек свободен, он обречен на свободу выбора и культурное творчество своей жизни», — отмечает Л.П. Буева [20]. Но свобода оказывается всегда тесно связанной, с одной стороны, с самостоятельностью, а с другой — с ответственностью. Конформизм — это питательная среда авторитаризма. **Самостоятельность** обеспечивает автономность личности, ее относительную

независимость и возможность сознательного выбора.

Вместе с тем, свобода, не связанная с ответственностью, вырождается в анархию, бунт, своеволие. Как отмечал В. Франкл, «свобода может выродиться в простой произвол, если она не прожигается с точки зрения ответственности» [34]. Уместно вспомнить и слова М.М. Бахтина, «что в рамках культурного развития важно вырабатывать и осваивать не только свои собственные идеи, ценности, нормы, но и принимать во внимание чужие» [28]. На наш взгляд, свободное, самостоятельное и самодостаточное поведение человека, не ограничивающее при этом прав другого на такое же поведение, — это поведение **совестливого** человека. На необходимости развития совестливости настаивает В. Франкл: «...воспитание должно быть направлено на то, чтобы не только передавать знания, но и оттачивать **совесть** так, чтобы человеку хватило чуткости расслышать требование, содержащееся в каждой отдельной ситуации» [34]. В скобках заметим, что высказывания этих двух авторов особенно актуальны сейчас в условиях охватившей все человечество пандемии коронавируса.

Все сказанное означает, что идеал культуры — это **культурный человек**. На рисунке показана схема возможного взаимодействия разных уровней организации в структуре человека. Нам уже известно, что роль системообразующего качества (фактора) на уровне личности, в структуре которого функционируют и природные свойства индивида, выполняет направленность личности. На уровне субъекта деятельности аналогичную роль выполняет индивидуальный стиль деятельности [1–3].

Взаимодействуя между собой, направленность личности и индивидуальный стиль деятельности обеспечивают содружество всех уровней, что

Схема взаимодействия разных уровней организации и их системообразующих качеств в психологической структуре человека
Interaction scheme of different levels of the organization and their system-forming qualities in the human structure

выражается в единстве личностных и деятельностных характеристик человека. Это единство личности и субъекта деятельности находит свое выражение в успешной трудовой, познавательной и коммуникативной деятельности человека, обуславливая непотворимость его вклада в общественный фонд.

Нам представляется, что наличие всех этих качеств является необходимым условием формирования оптимистического мировоззрения, поскольку только оно «способно побудить человека к действию во имя культуры, <...> ориентируя его на духовное и нравственное самосовершенствование <...> как на решающую цель культуры» [40].

Таким образом, именно культурное развитие человека может стать, по словам А. Печчеи, основой «общего самоусовершенствования и самовыяснения рода человеческого» [30]. Именно культура придает развитию человека подлинно гуманистический смысл, который, по словам Денниса Габора, требует от человека, «чтобы он перестал „заглядывать в будущее“ и начал „создавать“ его» [30]. Из сказанного вытекает, что ведущими, стратегическими целями нормального хода психического развития могут и должны стать такие культурные ценности, как **свобода, самостоятельность, творчество, самодостаточность и совесть** [2]. Но цель развития — это идеально представляемые результаты функционирования всей системы. Следовательно, обозначенные выше ценности культурного развития человека могут выступать в качестве *критериев нормального психического развития человека*.

Читатель возможно уже заметил определенное сходство методологических позиций Б.С. Братуся и автора данной статьи. Приступая к поиску критериев нормального психического развития человека, Б.С. Братусь и В.А. Аверин опираются на философскую трактовку концепции человека. Однако в нашем случае в качестве инструмента анализа этой концепции человека и его развития мы использовали философию культуры, то есть философское понимание культуры и культурное развитие человека.

Вместе с тем, признавая, что человек — это всегда ансамбль соподчиненных, сопряженных между собой общественных отношений, выражающихся в многочисленных свойствах, и качеств на всех уровнях его организации — индивида, личности, субъекта — возникает необходимость в поиске *системообразующего фактора* — «полезного результата системы», оказывающего «решающее влияние как на ход ее формирования, так и на все последующие реорганизации» [7].

У Б.С. Братуся «таким главным системообразующим представляется связь, *способ отношения к самому человеку*», в результате функционирова-

ния которого создаются условия нормального развития [10]. «Нормальное развитие, — пишет автор, — это такое развитие, которое ведет человека к обретению им родовой человеческой сущности. Условиями и одновременно критериями этого развития являются: отношение к другому человеку как к самоценности, как к существу, олицетворяющему бесконечные потенции рода „человек“ (центральное системообразующее значение); способность к децентрации, самоотдаче, любви как способу реализации этого отношения; творческий, целетворяющий характер жизнедеятельности; потребность в позитивной свободе; способность к свободному волепроявлению; возможность самопроектирования будущего; вера в идеальные цели и осуществимость намеченного; внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; стремление к обретению сквозного общего смысла своей жизни» [10].

Поскольку мы отталкиваемся от понимания человека как многоуровневого образования — индивид, личность, субъект, индивидуальность, — предложенного Б.Г. Ананьевым, то любого из них можно представить в виде отдельной подсистемы, входящей в общую систему «человек». Отношения между ними строятся по иерархически-координационному принципу, на что указывал Б.Г. Ананьев [6]. Б.Ф. Ломов, анализируя характер взаимодействия между подсистемами, входящими в общую систему, указывает, что «важнейшим условием выявления взаимоотношений между разными подсистемами <...> является определение системообразующего фактора, благодаря которому различные механизмы объединяются в целостную функционально-динамичную систему» [23]. Для понимания процесса функционирования системы «человек» нужно, во-первых, определить содержание системообразующих факторов, действующих на уровне индивида, личности и субъекта деятельности, а во-вторых, общий системообразующий фактор всей системы «человек», благодаря которому различные подсистемы (уровни) «объединяются в целостную функционально-динамичную систему».

Что же выполняет функцию системообразующего фактора на уровне индивида? Б.Г. Ананьев, анализируя характер взаимоотношений между структурами индивида и личности, отмечал, что «структура личности включает структуру индивида в виде наиболее общих и актуальных для жизнедеятельности и поведения комплексов органических свойств» [5]. Следовательно, характеристики индивида оказываются включенными во внутреннюю структуру личности. В связи с этим важно установить системообразующий фактор, единый для

индивида и личности. Схема возможного взаимодействия разных уровней организации в структуре человека была показана на рисунке.

Роль такого единого для **индивида и личности системообразующего фактора** выполняет **направленность личности**, выражающая отношение личности к целям деятельности. Эта точка зрения была сформулирована ранее на основании результатов экспериментального исследования феномена направленности, как фактора успешности в деятельности педагога высшей школы [1]. Таким образом, направленность личности, в том числе и профессиональная, может выступать в качестве одного из критериев нормального развития личности.

Роль системообразующего фактора на уровне субъекта деятельности, по нашему мнению, выполняет **индивидуальный стиль деятельности** (см. рисунок). На системообразующий характер индивидуального стиля деятельности указывал В.С. Мерлин [26]. Важно отметить два момента во взглядах В.С. Мерлина. Во-первых, он подчеркивал, что «благодаря индивидуальному стилю возникают новые связи между индивидуальными свойствами разных иерархических уровней» [26]. Тем самым признается системообразующее значение индивидуального стиля в отношении не одного, но нескольких уровней в общей структуре человека. Во-вторых, хотя В.С. Мерлин и не называет точно эти «разные иерархические уровни», он указывает, что «индивидуальный стиль деятельности создает новые связи между **свойствами субъекта**» [26]. Тем самым подчеркивается системообразующее значение индивидуального стиля на уровне субъекта деятельности. Это совпадает и с нашей точкой зрения на место и роль индивидуального стиля деятельности как системообразующего фактора на уровне субъекта деятельности. Б.Г. Ананьев, рассматривая его структуру, утверждал, что «человек — субъект, прежде всего, основных социальных деятельностей — труда, общения, познания...» [5]. Содержание этих «социальных деятельностей» невозможно вне знаний, умений, навыков или, говоря сегодняшним языком, компетенций человека. Наверное, именно поэтому В.С. Мерлин, давая определение индивидуального стиля, говорит, что «...его следует понимать не как набор отдельных свойств, а как целостную систему взаимосвязанных действий, при помощи которых достигается определенный результат» [26]. В связи с этим нельзя не отметить очень важную деталь, отмеченную В.С. Мерлиным. Поскольку целостная система действий образуется вследствие целостного характера их связей, стиль деятельности не может быть ошибочным. Ошибочным может быть отдельное действие [26].

Так как в структуре субъекта выделяется, по меньшей мере, три основных вида деятельности, можно считать, что сообразно им формируются соответствующие индивидуальные стили — индивидуальный стиль познавательной деятельности, индивидуальный стиль общения и стиль трудовой деятельности. Последний, в свою очередь, по мнению В.С. Мерлина, также может быть представлен в нескольких видах [26]. Ведущим фактором в этой паре системообразующих факторов является направленность личности, так как именно на основе позитивного отношения личности к целям своей деятельности ищутся, находятся и приводятся в целесообразную систему способы достижения значимых для личности целей. Подчеркивая ведомое положение стиля деятельности, мы согласны с мнением Е.П. Ильина [17], что стиль деятельности, взятый в отдельности, без высокоразвитой способности, не может обеспечить высокоэффективную деятельность. Добавим к этому, что развитие способности возможно лишь в контексте выраженной направленности личности, поскольку только значимая для личности цель побуждает ее к формированию оптимальной системы действий, направленной на ее достижение.

Итак, роль системообразующего фактора на уровне личности выполняет направленность личности, а на уровне субъекта — индивидуальный стиль деятельности. Напомним слова Б.Ф. Ломова, что взаимоотношения между разными уровнями системы также регулируются системообразующим фактором, «...благодаря которому различные механизмы объединяются в целостную функционально-динамичную систему» [23]. Следовательно, взаимодействие между направленностью личности и индивидуальным стилем деятельности обусловлено действием еще одного регулирующего фактора.

Б.Г. Ананьев, исследуя структуру человека, ввел понятие индивидуальности, характеризующее, по его мнению, глубину личности. Он подчеркивал, что именно в индивидуальности «замыкается внутренний контур регулирования всех свойств человека как индивида, личности <...> и субъекта различных деятельностей» [5]. Указание Б.Г. Ананьева, что «индивидуальность — это „глубина“ личности и субъекта деятельности», по нашему мнению, подчеркивает ее функциональный характер [5]. Индивидуальность можно представить в виде некоего вектора, «пронизывающего» все уровни в структуре человека — индивида, личности и субъекта деятельности. Каждый человек всегда есть и индивид, и личность, и субъект относительно к степени сформированности или

выраженности соответствующих качеств и свойств. Однако далеко не каждый при этом индивидуальность не в смысле отдельных индивидуальных отличий на каждом из уровней человеческой организации, а в смысле их единства. Именно это единство является основой для максимально полного развития и выражения человеком своих способностей, качеств и свойств, когда человек, говоря словами Гегеля, «вкладывает свою сущность в произведенное», внося, тем самым, свой собственный неповторимый вклад в общественное развитие. **Индивидуальность выражает единство всех уровней организации человека** (см. рисунок).

Показав место индивидуальности в структуре человека и ее значение для его развития, Б.Г. Ананьев практически не затронул вопрос о ее психологической феноменологии. В то же время он подробно рассмотрел психологическое содержание структуры индивида, личности и субъекта. По нашему мнению, понятие *цельности* полнее других выражает психологическое содержание индивидуальности.

Роль системообразующего фактора (качества) на уровне личности, в структуре которого функционируют и природные свойства индивида, выполняет направленность личности. На уровне субъекта деятельности аналогичную роль выполняет индивидуальный стиль деятельности.

Взаимодействуя между собой, направленность личности и индивидуальный стиль деятельности обеспечивают содружество всех уровней, что выражается в единстве личностных и деятельностных характеристик человека [2, 3]. Это единство личности и субъекта деятельности находит свое выражение в функционировании человека, достигающего целей (ценностей) его психического развития — **свободы, самостоятельности, творчества, самодостаточности и совестливости.**

Нормальное психическое развитие человека обеспечивается механизмом активного взаимодействия двух тесно взаимосвязанных системообразующих факторов — *направленности личности и индивидуального стиля деятельности.*

Каково место цельности в приведенной выше конструкции? Опираясь на все сказанное, можно утверждать, что *цельность выступает в качестве психологического механизма, который обуславливает максимальный уровень достижений человека в ходе его нормального психического развития.*

Цельность человека понимается как единство системообразующих факторов — **направленности личности и индивидуального стиля деятельности**, презентующих в структуре человека **уровни индивида, личности и субъекта деятельности** [2, 3].

Именно поэтому цельность как психологическая категория представляется определяющей для понимания нормального хода психического развития, и может рассматриваться в качестве одного из **критериев нормы психического развития человека.**

Таким образом, опора на философскую трактовку концепции человека, в частности, на философское понимание культуры и культурное развитие человека, позволяет, во-первых, переформулировать проблему «норм(ы) психического здоровья» в проблему «норм(ы) психического развития человека» и, во-вторых, определить (сформулировать) эти нормы (показатели) нормального хода этого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверин В.А. Общая направленность личности и успешность воспитательной работы. В кн.: Психологические аспекты изучения направленности личности учащейся молодежи: Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: изд-во НГПИ, 1988. – С. 60–68. [Averin VA. Obshhaja napravlennost lichnosti i uspeshnost vospitatelnoj raboty. In: Psihologicheskie aspekty izuchenija napravlennosti lichnosti uchashhejsja molodezhi: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Novosibirsk, Izd-vo NGPI; 1988. P. 60-68. (In Russ.)]
2. Аверин В.А. Психология медицинского образования. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – СПб., 1997. [Averin VA. Psihologija medicinskogo obrazovaniya. [dissertation abstract]. Saint Petersburg, 1997. (In Russ.)]
3. Аверин В.А. Цельность личности – субъективный фактор успешной деятельности человека. В кн.: Интегративный подход к познанию психологии человека / под научн. ред. Е.Ю. Коржовой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. [Averin VA. Celnost lichnosti – subektivnyj faktor uspeshnoj dejatelности cheloveka. In: Integrativnyj podhod k poznaniyu psihologii cheloveka. EJu. Korzhovoj, editor. Saint Petersburg, Izdatelstvo RGPU im. A.I. Gercena; 2017. (In Russ.)]
4. Аверинцев С.С. Попытки объясниться. – М., 1988. [Averincev SS. Popytki objasnitsja. Moscow; 1988. (In Russ.)]
5. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. [Anan'ev BG. Chelovek kak predmet poznaniya. Leningrad, LGU; 1968. (In Russ.)]
6. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – М.: Наука, 1977. [Anan'ev BG. O problemah sovremennogo chelovekoznanija. Moscow, Nauka; 1977. (In Russ.)]
7. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. В кн.: Принципы си-

- стемной организации функций. – М.: Наука, 1973. [Anohin PK. Principialnye voprosy obshhej teorii funkcionalnyh sistem. In: Principy sistemnoj organizacii funkcij. Moscow, Nauka; 1973. (In Russ.)]
8. Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность. – М.: Знание, 1990. [Bibler VS. Nравstvennost. Kultura. Sovremennost. Moscow, Znanie; 1990. (In Russ.)]
  9. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М., 1988. [Bratus BS. Anomalii lichnosti. Moscow; 1988. (In Russ.)]
  10. Братусь Б.С. Аномалии личности. Психологический подход. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Никая, 2019. [Bratus BS. Anomalii lichnosti. Psihologicheskij podhod. 2-e Izd. pererab. i dop. Moscow: Nikeja; 2019. (In Russ.)]
  11. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М., 1973. [Blauberger IV, Judin EG. Stanovlenie i sushhnost sistemnogo podhoda. Moscow; 1973. (In Russ.)]
  12. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия / пер. с нем. М.М. Рубинштейн и др. – М.: Наука, 1993. [Vindelband V. Filosofija v nemecskoj duhovnoj zhizni XIX stoletija. Moscow, Nauka; 1993. (In Russ.)]
  13. Гинецинский В.И. Знание как категория педагогики: Опыт педагогической когитологии. – Л.: изд-во ЛГУ, 1989. [Ginecinskij VI. Znanie kak kategorija pedagogiki: Opyt pedagogicheskoy kogitologii. Leningrad: izd. LGU; 1989. (In Russ.)]
  14. Гуревич П.С. Философия культуры. – М., 1994. [Gurevich PS. Filosofija kulture. Moscow; 1994. 317 p. (In Russ.)]
  15. Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. – Ростов н/Д, 1979. [Davidovich VE, Zhdanov YuA. Sushhnost kulture. Rostov-na-Donu; 1979. (In Russ.)]
  16. Запускалов С.В., Положий Б.С. Новые подходы к динамической оценке психического здоровья // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. – 1991. – № 2. [Zapuskalov SV, Polozhij BS. Novye podhody k dinamicheskoj ocenke psihicheskogo zdorovja. *Obzrenie psichiatrii i med. psihologii im. V.M. Behtereva*. 1991;(2). (In Russ.)]
  17. Ильин Е.П. Стиль деятельности: новые подходы и аспекты // Вопросы психологии. – 1988. – № 6. – С. 85–94. [Ilin EP. Stil dejatel'nosti: novye podhody i aspekty. *Voprosy psihologii*. 1988;(6):85-94. (In Russ.)]
  18. Карвасарский Б.Д. Медицинская психология. – Л., 1982. [Karvasarskij BD. Medicinskaja psihologija. Leningrad; 1982. (In Russ.)]
  19. Клиническая психология / под ред. А.Б. Холмогоровой. В 4-х т. Т. 1. – М.: ИЦ «Академия», 2010. – 464 с. [Klinicheskaja psihologija. A.B. Holmogorovoj, editor. V 4 tomach. T. 1. Moscow; 2010. 464 p. (In Russ.)]
  20. Круглый стол: Философия образования // Вопросы философии. – 1995. – № 11. [Kruglyj stol: Filosofija obrazovanija. *Voprosy filosofii*. 1995;(11). (In Russ.)]
  21. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1980. [Kuzmin VP. Princip sistemnosti v teorii i metodologii K. Marksa. 2-e izd. Moscow: Politizdat, 1980. (In Russ.)]
  22. Лакосина Н.Д., Ушаков Г.К. Медицинская психология. – М.: Медицина, 1976. [Lakosina ND, Ushakov GK. Medicinskaja psihologija. Moscow: Medicina, 1976. (In Russ.)]
  23. Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. – 1975. – № 2. [Lomov BF. O sistemnom podhode v psihologii. *Voprosy psihologii*. 1975;(2). (In Russ.)]
  24. Лурья Н.А. Ценностно-деятельностная природа образованности и культурно-исторические условия изменения ее типа // Социально-философские проблемы образования: сб. статей. – М., 1992. [Lurja NA. Cennostno-dejatel'nostnaja priroda obrazovanosti i kulturno-istoricheskie uslovija izmenenija ee tipa. In: *Socialno-filosofskie problemy obrazovanija. Sbornik statej*. Moscow; 1992. (In Russ.)]
  25. Ляхович Е.С, Стецюк Т.В. Философский подход к поискам новой концепции грамотности // Социально-философские проблемы образования: сб. статей. – М., 1992. [Ljahovich ES, Stecjuk TV. Filosofskij podhod k poiskam novoj koncepcii gramotnosti. In: *Socialno-filosofskie problemy obrazovanija. Sbornik statej*. Moscow; 1992. (In Russ.)]
  26. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М.: Педагогика, 1986. [Merlin VS. Oчерk integral'nogo issledovanija individualnosti. Moscow: Pedagogika; 1986. (In Russ.)]
  27. Мэш Э., Вольф Д., Детская патопсихология. Нарушения психики ребенка. – СПб.: Прайм еврознак, 2003. [Mjesh E, Volf D. Detskaja patopsihologija. Narushenija psihiki rebenka. Saint Petersburg: Prajm evroznak; 2003. (In Russ.)]
  28. Образование в условиях перехода к регулируемой рыночной экономике: Сб. науч. тр. – М.: НИИВО, 1991. [Obrazovanie v uslovijah perehoda k regulirueмой rynochnoj jekonomike: Sbornik nauchnyh trudov. Moscow: NIIVO; 1991. (In Russ.)]
  29. Пахомов Н.Н. Кризис образования в контексте глобальных проблем // Философия образования для XXI века: Сб. ст. / Ред. – сост. Н.Н. Пахомов, Ю.Б. Тупталов. – М.: Логос, 1992. – С. 18–31. [Pahomov NN. Krizis obrazovanija v kontekste globalnyh problem. In: *Filosofija obrazovanija dlja XXI veka: Sb. statej*. N.N. Pahomov, Yu.B. Tuptalov, editors. Moscow; 1992. P. 18-31. (In Russ.)]
  30. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с. [Pechchei A. Chelovecheskie kachestva. Moscow: Progress; 1985. 312 p. (In Russ.)]

31. Риккерт Г. Естествоведение и культуроведение / пер. с нем. М.Я. Фитермана. – СПб., 1903. [Rikkert G. Estestvovedenie i kulturovedenie. Transl. from German. Saint Petersburg, 1903. (In Russ.)]
32. Семичов С.Б. Предболезненные психические расстройства. – М.: Медицина, 1987. [Semichov SB. Predboleznennye psihicheskie rasstrojstva. Moscow, Medicina; 1987. (In Russ.)]
33. Соколов Э.В. Понятие, сущность и основные функции культуры. – Л., 1989. [Sokolov EV. Ponjatie, sushhnost i osnovnye funkicii kultury. Leningrad; 1989. (In Russ.)]
34. Франкл В. Человек в поисках смысла / сост. Л.Я. Гозман, Д.А. Леонтьев. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с. [Frankl V. Chelovek v poiskah smysla. Sost. K.Ya. Gozman, D.A. Leontyev. Moscow: Progress; 1990. 368 p. (In Russ.)]
35. Фролов Б.С. Система оценки прогнозирования психического здоровья при массовых психопрофилактических обследованиях. – Л.: Изд-во Военно-медицинской академии, 1982. [Frolov BS. Sistema ocenki prognozirovaniya psihicheskogo zdorovja pri massovyh psihoprofilakticheskikh obsledovaniyah. Leningrad: Voen. med. akad.; 1982. (In Russ.)]
36. Фромм Э. Человек для себя / Пер. с англ. и послесл. Л.А. Чернышевой. – Мн.: Коллегиум, 1992. [Fromm E. Man for Himself. An Inquiry into the Psychology of Ethics. Per. s angl. i poslesl. L.A. Chernyshevoj. Minsk: Kollegium; 1992. (In Russ.)]
37. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопросы психологии. – 1999. – № 2. – С. 61–74. [Holmogorova AB, Garanjan NG. Kultura, jemocii i psihicheskoe zdorove. Voprosy psihologii. 1999;(2):61-74. (In Russ.)]
38. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г.М. Фридендера; сост. В.Е. Багно. – М.: Искусство, 1991. – 588 с. [Ortega-i-Gasset H. Jestetika. Filosofija kultury. Vstup. st. G.M. Fridlendera; Sost. V.E. Vagno. Moscow, Iskusstvo; 1991. (In Russ.)]
39. Шадриков В.Д. Философия образования и образовательная политика. – М.: Логос, 1993. [Shadrikov VD. Filosofija obrazovaniya i obrazovatel'naja politika. Moscow, Logos; 1993. (In Russ.)]
40. Швейцер А. Культура и этика / Пер. с нем. Н.А. Захарченко, Г.В. Колшанского. Общая редакция и предисловие проф. В.А. Карпушина. – М.: Прогресс, 1973. – 343 с. [Shvejcer A. Kultura i jetika / Per. s nem. N.A. Zaharchenko, G.V. Kolshanskogo. Obshhaja redakcija i predislovie prof. V.A. Karpushina. Moscow, Progress; 1973. 343 p. (In Russ.)]
41. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методические проблемы современной науки. – М.: Наука, 1978. [Judin EG. Sistemnyj podhod i princip dejatel'nosti: metodicheskie problemy sovremennoj nauki. Moscow, 1978. (In Russ.)]
42. Bertalanfy L. Von Organisanion als System. Wiesbaden, 1972.

◆ Информация об авторе

Вячеслав Афанасьевич Аверин – д-р психол. наук, профессор, заведующий кафедрой общей и прикладной психологии с курсами медико-биологических дисциплин и педагогики факультета клинической психологии. ФГБУ ВО «Санкт Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава России, Санкт-Петербург. E-mail: waverin@yandex.ru.

◆ Information about the author

Vyacheslav A. Averin – Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Head, Department of General and Applied Psychology with a Courses of Biomedical Disciplines and Pedagogy of the Department of Clinical Psychology. St. Petersburg State Pediatric Medical University, Saint Petersburg, Russia. E-mail: waverin@yandex.ru.